

Что такое интересная жизнь? Генрих Боровик, которому 16 ноября исполнилось 70, — писатель, драматург, но прежде всего журналист по натуре — считает: это встречи.

«Подышать одним воздухом с мафией?»

— В романе «Пролог» вы описали США образца 1968 года, обозначив это время как кризисное, переломное для страны. Можно было бы провести параллели между Америкой тех лет и сегодняшней Россией!

— Шла война во Вьетнаме, избирался новый президент США, громкие убийства — Мартина Лютера Кинга, Роберта Кеннеди — потрясли не просто страну, весь мир... Я думал, что, разобравшись в настоящем Америке, сумею предсказать ее ближайшее будущее. А угораздило в сегодняшний день... России.

— Но России до США, как Луне до Юпитера... Хотя мы и пытаемся обезьянничать. Почему все так безнадежно?

— У американцев много чему хорошему можно поучиться. Но, как по злему року, мы почему-то упорно перенимаем только худшее. Преступность, коррупция, махинации с капиталами — это все к нам, двери распахнуты настежь. Крестные отцы в Штатах — дети по сравнению с доморощенными мафиози.

— Выходит, с крестными отцами Америки вы неплохо знакомы!

— Было дело — встречались. Конечно, это казалось небезопасным, и американский коллега, к которому я обратился за помощью, колебался: не испугаешься? Ну а чего мне бояться, говорю. Они же умные люди, должны понимать, что я не для полицейских стараюсь. Просто хочу подышать одним воздухом с мафией, чтобы потом писать с максимальной достоверностью... Приехали в скромный на вид ресторанчик: все тихо, чинно, вполне благородно. Там я и познакомился кое с кем — колоритные персонажи! Русского журналиста видели впервые, отнеслись с любопытством. Я потом написал очерк о крупнейшем мафиози Америки, а возможно, и мира — Витоне Дженовезе.

— Не он ли стал прообразом крестного отца в известном романе Марио Пьюзо?

— У Пьюзо образ собирательный и уж больно литературный. А я хотел рассказать о Витоне только правду, поэтому оригинал оказался жестче романтического персонажа. Хотя, конечно, чистого злодея или чистого добряка в природе не существует. В каждом из нас всякого понамешано... Главный мафиози Америки в этом смысле не стал исключением. В родной семье это был образцовый муж, отец, дедушка... По сути, именно он руководил нью-йоркской организацией демократической партии США. Однако крови на хозяине «Коза ностры» было как воды в Красном море. Его называли бессердечным. Он умер в преклонном возрасте от сердечной недостаточности... И тут же «свято место» занял новый «босс всех боссов», известный гангстер из Флориды Джерардо Катена. Он сразу пообещал приумножить доходы мафии, которые и без того зашкаливали за 40 миллиардов долларов в год.

Вот такого сорта примеры мы, в России, заимствуем с удовольствием.

«Мужчина не имеет права умереть в постели»

— Фотографии Эрнеста Хемингуэя, сделанные вами во время рыбалки на Кубе, обошли весь мир. Но легендарный писатель терпеть не мог репортеров... Как же вам удалось заслужить его доверие?

— На Кубе все звали писателя Папа. Так вот, Папа ненавидел давать интервью. Потому как даже самые беспристрастные журналисты часто искажали его слова и уж тем более — мысли. То интонацию не уловят, то что-то еще... Как-то в Мадриде, после корриды, где победил любимый матадор писателя, к нему подскочил репортер и спросил: «Папа, говорят, вы собираетесь в Москву. Это правда?» Тот мгновенно среагировал: «С удовольствием поеду, если они там устроят корриду». Серьезная газета вышла с аршинным заголовком. «Хемингуэй ставит условием своего визита в Москву проведение там боя бы-

ков». Писатель был взбешен. Пришлось послать в Россию извинительную телеграмму: мол, пошутил, а его слова восприняли излишне серьезно. Эту историю он мне сам рассказывал, уже на рыбалке...

— Но как вы попали к нему?

— С Микояном (был такой член политбюро, один из руководителей Советского Союза. — М.С.). Встреча с писателем значилась в плане его официального визита, Хемингуэй позволил присутствовать только одному репортеру. Выбор Микояна пал на меня — ведь я не только писал, но и фотографировал. Конечно, я тут же возмечтал задать хоть пару вопросов писателю. Но для этого требовалось най-

— За целый-то день... Хемингуэй оказался очень заботливым хозяином. Регулярно выдавал мне баночку с коричневой мазью, чтобы я не обуглился на солнце, потом куртку принес, едва стало прохладнее. Когда порыв ветра вырвал из моего блокнота листок и швырнул в воду, писатель немедленно заглушил мотор: «Что-то важное? Попробуем достать?» Пришлось поклясться, что ничего существенно-го на том листке не было, и только тогда он запустил двигатель бота.

— Ну а рыбу-то вы поймали?

— Мне на рыбалке никогда не фартило. Не помог и Гольфстрим, где рыба по идее сама должна была выскакивать из воды. Хемингуэй почти сразу вытнул тунца кило на четыре. Мне, увы, так и не повезло.

— Зато повезло с интервью и фотосъемкой!..

— Неслыханно повезло. Говорили обо всем на свете. Я старался запомнить каждое его слово. «Писателю нельзя быть туристом в

жизни, которую он описывает, — говорил Папа. — Он должен участвовать в ней, он должен выстрадать и прочувствовать то, о чем пишет». Я смотрел на него, как на бога. А он, чтобы снять «торжественность» своих слов, то подмигнет, то словно родному улыбнется. У него была прекрасная улыбка. Чуть застенчивая. Он как бы спрашивал: разделяете ли вы мою улыбку, не обижает ли она вас?

— Эрнест Хемингуэй стал вашим кумиром!

— Да, безусловно. Он и до этого был им. А уж после встречи и подавно. В своих книгах он очень точно передал дух XX века, психологию людей, идеалы. И каждой клеткой своей ненавидел фашизм. Терпеть не мог войну, а войну с фашизмом не только оправдывал, но считал совершенно необходимым, святым делом. Он был участником испанской войны, и поэтому в Америке считалось, что писатель симпатизирует коммуни-

там. Но это было не так. Коммунистов Хемингуэй считал самой серьезной антифашистской силой, но во всем остальном их убеждений не разделял.

«Отто Скорцени жил под крышей американцев»

— Вам доводилось общаться с фашистами. Расскажите о самом матером.

— Оберштурмбаннфюрер СС Отто Скорцени подойдет? Одиозная фигура, личный агент и диверсант Гитлера не был признан военным преступником и получил оправдание суда в Дахау как солдат, вынужденный выполнять приказы. Однако его должны были судить еще и как одного из наиболее активных деятелей нацистской партии. Вместе с другими Скорцени поместили в лагерь Дармштадт. Но в США тогда уже подумывали об использовании некоторых нацистов как специалистов по Советскому Союзу в борьбе с коммунизмом под крылом управления стратегических операций неизвестного Аллена Даллеса. Кстати, одним из тех, кто подбирал «нужных» гитле-

Генрих Боровик: РЫБАЧИЛ С ХЕМИНГУЭЕМ

ОТКРОВЕННИЧАЛ С КЕРЕНСКИМ И ЗАСТОЛЬНИЧАЛ С МАФИОЗИ

ти какую-то связующую нить, чтобы писатель понял: я не просто прыгнул вокруг большого начальника... Что помогло? Во-первых, когда Хемингуэй показывал свою библиотеку, я увидел книгу Симонова «Дни и ночи» на английском — повесть о Сталинграде, о войне. Сразу завязался разговор о Симонове, которого я хорошо знал. Там же стояла книга Романа Кармена, правда, на русском языке. Я сказал, что Роман мой близкий друг. «Ну-у? — радостно удивился Хемингуэй. — Он и мой большой друг. Поползли мы с Карменом на брюхе по испанской земле!» Есть контакт.

В это время Микоян вручает Хемингуэю роскошный подарок — ларец с тремя бутылками экспортной водки. Папа был большим любителем этого напитка и пожелал немедля подарок опробовать. Начал искать штопор, но тот, как назло, куда-то запропастился. И тогда я предложил в этом деле свои услуги. Взял бутылку из рук писателя и ударом ладони о дно выбил пробку. Хемингуэй расцвел. И чтобы произвести ответное впечатление, влил в себя прямо из горлышка бутылки добрую треть содержимого. Но глотать не стал, а, задрав голову, полоскал секунд десять горло. О каких-то психологических барьерах далее не могло идти и речи. Прощаясь, я попросил писателя ответить на два-три вопроса. «Хенри, — сказал он, — да чего там два-три... Океан сегодня штормит, послезавтра утихнет, давайте и порыбачим тогда вместе...»

— Микояна не пригласил?

— Микоян возвращался в Москву. Я же еще на несколько дней оставался на Кубе. Когда буря на море утихла, мне позвонили в гостиницу, и на следующее утро мы отправились на рыбалку. На знаменитой шхуне «Пилар» с верным помощником-механиком Грегори. Я захватил бутылку водки и банку с крабами. Все это мы, разумеется, с удовольствием уговорили.

— Вдвоем — бутылку! Не многовато?

